

Стенограмма.

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

между Евдокимовым Григорием Еремеевичем и
Зиновьевым Григорием Евсеевичем, от 12 января 1935г.

Вопрос Евдокимову. Вы показали, что до последнего времени существовала организация зиновьевцев. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ. Подтверждаю, что до последнего времени существовала организация зиновьевцев.

Вопрос Евдокимову. Вы показали следствию, что антипартийная организация зиновьевцев стояла на контрреволюционных позициях. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ. Подтверждаю. Поскольку мы оставались на прежней платформе 1925-27г.г., которая съездом партии была признана контрреволюционной, поскольку в основных вопросах — как коллективизация, индустриализация, внешняя политика, внутрипартийный режим — у нас были точки зрения, противопоставлявшие себя генеральной линии Центрального Комитета, поскольку по всем этим вопросам мы критиковали линию партии, как это сказано в моих показаниях, поскольку, не говоря уже о самом факте существования контрреволюционной организации, позиция организации являлась контрреволюционной.

Вопрос Евдокимову. Вы показали, что до последнего времени существовал московский центр организации, в состав которого входили и Вы. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ. Да, подтверждаю.

Вопрос Евдокимову. Назовите участников московского центра.

Ответ. В московский центр входили: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Шаров, Гертик, Гессен Сергей, Горшенин, Харитонов (пока он не отошел), Залуцкий (тоже пока он не отошел), Федоров.

Харитонов начал отходить от участия в центре незадолго до своего отъезда за границу. Это относится к периоду 1931-32г. Это не был открытый разрыв со стороны Харитонова, с заявлением кому-нибудь из нас, что он порывает с нами. Потом из разговоров об его отношении к исключению Зиновьева из партии за связь с Рютиным и компанией, у меня создалось такое впечатление, что с этого момента он отмежевывается от нас. Правда, говорилось это, в связи с его выступлением, имевшим место на ячейке во время его работы за границей, где он в крайне резких формах клеймил поведение Зиновьева.

После этого я с ним не встречался. Но имея такие отзывы о его настроениях, я с ним не пытался затрагивать общеполитические вопросы и он, со своей стороны, тоже этих вопросов не поднимал.

Относительно Федорова должен сказать, что и он в последнее время как-то мало с нами был связан, кроме того, он с Зиновьевым также не встречался в последнее время. Во время встреч со мной, он на политические темы не говорил. Хотя во время нашей последней встречи в Сочи была обстановка, которая располагала к таким разговорам. Я говорю о 1934г., с его стороны таких попыток уже не было.

Вопрос Евдокимову. Назовите известных Вам участников к.-р. группы зиновьевцев в Ленинграде, существовавшей до последнего времени.

Ответ. Из участников к.-р. группы зиновьевцев в Ленинграде мне известны: Румянцев, Левин, Котолынов, Рэм, Миронов, Ширяев Дм., Мандельштам, Мясников, Кострицкий, Наливайко, Толмазов.

Я должен сказать относительно Кострицкого и Наливайко, что, при моих последних встречах с ними за 1933-34г.г. у меня с ними разговоров на политические темы не было. Из их поведения мне казалось, что если они даже и не изжили своих контрреволюционных убеждений, то они, по крайней мере, хотят легализоваться в том смысле, чтобы не связывать себя политическими разговорами со мной, так как они знали, что я остаюсь на прежних враждебных партии позициях.

Вопрос Евдокимову. В своих показаниях от 12 января 1935г. Вы сообщили следствию, что Зиновьев неоднократно говорил Вам, что между московским центром и ленинградской контрреволюционной организацией существует налаженная связь. Подтверждаете ли Вы это.

Ответ. Связь с ленинградской группой зиновьевцев у нас была все время. Она носила такой характер, что или ленинградцы-зиновьевцы, приезжая в Москву, заходили к кому-нибудь из членов московского центра, или члены московского центра, бывая в Ленинграде, виделись с кем-нибудь из ленинградской зиновьевской группы.

Вопрос Евдокимову. Кто конкретно из московского центра приезжал в Ленинград и кто из ленинградской группы приезжал в Москву.

Ответ. Я начну со следующих, несколько отдаленных, примеров.

В 1928 г. во время похорон Лашевича, организация которых была рассчитана на возможность вызова демонстрации, сочувствия со стороны наших единомышленников в Ленинграде, после похорон у меня на квартире в Ленинграде, где был Зиновьев, Бакаев и я, не помню был ли кто-нибудь еще из москвичей, собралась группа ленинградцев-зиновьевцев. Были: Румянцев, Наливайко, Кострицкий. Кто еще был я не помню, но было, конечно, больше, чем трое, у меня слабая память на фамилии. У Бакаева память лучше. Может быть, Григорий Евсеевич, вспомнит кто еще был.

Эта встреча членов московского центра с ленинградцами-зиновьевцами, вылилась в разговоры о необходимости сохранения наших кадров в Ленинграде и связей с москвичами - зиновьевцами.

В 1929г., когда я поехал в Ленинград лечиться, Григорий Евсеевич предлагал мне попробовать установить связи, хотя бы с несколькими десятками рабочих-партийцев из зиновьевцев, оставшихся в Ленинграде на производстве. Я от этого отказался. Григорий Евсеевич должен это подтвердить. Я заявил, что эта затея может повести только к тому, что не

успею я связаться не только с несколькими десятками рабочих, а и с несколькими рабочими как это станет известно, кому это ведать надлежит, и нас выметут не только из Ленинграда и Москвы, но и из партии.

Я указывал Зиновьеву также на то, что это не вяжется с нашей установкой на вращение в партию, а это было бы одной из наших задач.

Задачу вращения в партию мы понимали своеобразно не в смысле разрыва с нашим прошлым, а в смысле обмана партии, заявляя одно, а делая другое.

В начале 1929 года, когда я лечился в Ленинграде и в связи с этим проживал в Ленинграде с января по май месяц, ко мне на квартиру пришел С. Гессен с Котолыновым, Румянцевым и еще не помню кто именно, но кто-то еще был не помню. Они подняли вопрос об образовании в Ленинграде подпольного центра зиновьевцев, впечатление было такое, что они еще до прихода ко мне говорили на эту тему. Я отнесся тогда к этому крайне отрицательно и впоследствии за время моего пребывания в Ленинграде ленинградские зиновьевцы этого вопроса передомной уже не ставили.

Считаю нужным сказать, что, отказываясь от поручения Зиновьева и отвечая Гессену и др. по вопросу об организации центра в Ленинграде отрицательно, я проявлял не больше лояльности по отношению к партии, чем др. члены московского центра, а только большую осторожность, т.е. я хочу сказать, что я принципиально не был бы против этих предложений, если бы проведение их в жизнь не несло опасности нашего разгрома.

Теперь переходя к отдельным поездкам в Ленинград, я должен начать о себе.

До 1931 г. в Ленинграде жил мой зять Тарасов Петр, который в это время и позднее оставался на прежних контрреволюционных позициях зиновьевско-троцкистского блока.

Я не знаю его настроений теперь, потому что не видел его уже больше года, но знаю, что по чистке партии он исключен из партии, как не изживший своих прежних зиновьевско-троцкистских настроений. Он прислал мне по этому поводу письмо, к сожалению у меня самого нет привычки хранить писем и оно у меня не сохранилось. В этом письме он свое исключение рассматривал как неправильное, кончая письмо заверением, что он приложит все усилия к тому, чтобы вернуться в ряды партии. Насколько это искренно, мне трудно судить, потому, что посылка письма, именно такого содержания, может быть с его стороны была простой осторожностью.

В 1930г. или в 1931г. я у него встретил (Тарасов жил в Ленинграде) Румянцева. Разговор во время встречи носил характер антипартийный. Конкретно, о чем говорили, я сейчас припомнить не могу, помню только, что Румянцев говорил о том, что "у меня и наших ребят настроения твердо остаются прежними".

Я знаю, что Петр Тарасов, проживая в Ленинграде с некоторыми из ленинградцев - зиновьевцев, которых я выше перечислил, довольно часто встречался и, конечно, во время этих встреч он говорил с ними о моих настроениях и, возможно, и об оценках, которые я давал. Так, что мои связи с ленинградскими зиновьевцами не исчерпываются, конечно, только моими личными встречами с отдельными зиновьевцами в Ленинграде.

Вопрос Евдокимову. Об"ясните точно, что Вы подразумеваете под личными встречами.

Ответ. Под личными встречами я имею в виду такие, когда я сам встречался с зиновьевцами. Из ленинградцев - зиновьевцев я в Москве встречался с Кострицким, Наливайко, Мандельштамом, Мироновым, Рэм, Цейтлиным Яковом и Левиным Вл. Причем, сейчас трудно конкретно припомнить, велись ли во время всех этих встреч, с каждым из них, разговоры на общеполитические темы в антипартийном духе, но независимо от того, имели ли место или не имели место эти разговоры, эти встречи были встречами людей с общим антипартийным прошлым, от этого

прошлого и от тех к.-р. позиций, на которых они стояли, не отказавшихся и расценивавших всю политическую внутреннюю и внешнюю обстановку с прежних своих к.-р. позиций.

Исключение из этого составляют только мои встречи в 1933-34г. с Наливайко и Кострицким и последняя встреча, в июле или августе месяцах 1934г. с Рэмом. О первых двух я говорил уже выше. О Рэме должен сказать только то, что в эту последнюю встречу мы с ним на общеполитические темы не говорили.

Мне известно также, что Гессен во время своих поездок и после 1929г. встречался в Ленинграде с участниками ленинградской подпольной организации, То же самое и Гертик. По-моему Гертик специально ездил в Ленинград, например, по поводу исключения Зиновьева из партии по рютинскому делу с тем, чтобы довести до сведения ленинградцев о решении московского центра, как нужно вести себя на партийных собраниях при обсуждении этого вопроса. Ездил Гертик и в другие моменты в Ленинград. Точно сейчас указать даты и цели таких поездок я затрудняюсь.

Вопрос Евдокимову. Носили ли эти поездки Гертика организационный характер.

Ответ. Гертик во время этих поездок встречался с ленинградцами-зиновьевцами и несомненно эти встречи носили антипартийный характер.

Бывал в Ленинграде и встречался с участниками подпольной зиновьевской организации также Бакаев. Бывали в Ленинграде также Шаров и Куклин. Они тоже встречались с лицами, входившими в ленинградскую подпольную организацию зиновьевцев. Конкретнее об этих поездках мне сейчас трудно сказать.

Вопрос Евдокимову. Относительно приезда Левина в Москву Вы знаете что-нибудь?

Ответ. Во время одной из своих поездок в Москву в 1932г. Левин был не только у меня, но и у Григория Евсеевича Зиновьева в Ильинском. Зиновьев потом мне говорил, что Левин передавал ему относительно ухудшившегося снабжения рабочих в Ленинграде и роста, в связи с этим, недовольства, а также о росте недовольства среди студенчества, в связи с их, якобы, тяжелым материальным положением.

В заключение хочу сказать, что все эти связи были такого порядка, что они давали нам возможность в любой момент, при нашем желании, осведомить о чем мы находили нужным, наших сторонников, входивших в ленинградскую подпольную зиновьевскую организацию.

Вопрос Евдокимову. В своих показаниях Вы сообщили, что члены московского центра, особенно Зиновьев, на собраниях и при встречах с отдельными членами центра, систематически обсуждали, до последнего времени, вопросы политики партии во враждебном духе, допуская при этом контрреволюционные злобные и клеветнические выпады против руководства партии и Советского правительства. Подтверждаете ли Вы это.

Ответ. Да, подтверждаю. Я уже говорил выше, что мы оставались на наших прежних к.-р. позициях 1925-27г.г. Поэтому критика наша была контрреволюционной. Кроме того мы, в силу своих политических убеждений и решений съезда партии, об"явивших эти убеждения несовместимыми с принадлежностью к партии, поставлены были в невозможность это свое отношение к внутренней и международной политической обстановке выявить открыто и это обстоятельство приводило к тому, что критика, конечно, носила очень острый характер.

Вопрос Евдокимову. До последнего времени?

Ответ. Я потом скажу. Причем, действительно, против руководства партии и особенно против т.Сталина допускались к.-р. злобные клеветнические выпады.

Например, по вопросу коллективизации и индустриализации, мы говорили, что коллективизация проводится в таких формах и такими темпами, которые вызывают излишние громадные накладные расходы (накладные расходы и в смысле экономическом и в смысле политическом), что индустриализация проводится без достаточного учета ресурсов страны, без достаточного сосредоточения внимания и средств на действительно руководящих звеньях и об"ектах, что, во-первых, приводит к перенапряженности планов и, во-вторых, к отсутствию уязвки отдельных элементов народного хозяйства. Как пример, приводили затруднения с транспортом.

Отсюда утверждение Зиновьева, которое он неоднократно высказывал, что "Сталин дорого обойдется стране". Это была его формула, но оценка эта была не только его одного, но и других членов центра.

Внутрипартийный режим мы расценивали, как режим небывалого аппаратного засилия.

Вопрос Евдокимову. Подтверждаете ли Вы, что враждебные, антипартийные оценки всех мероприятий партии и Советского правительства имели место до последнего времени?

Ответ. За последнее время, как я уже показывал раньше, у нас разговоры на эти темы становились все реже и наша критика сосредоточивалась, по преимуществу, на коминтерновских вопросах. Мы обвиняли Центральный Комитет (и руководство Коминтерна) в том, что Центральный Комитет, неправильно понимая идею победы социализма в одной стране, не принимает, в ответственной для международного рабочего движения моменты должных мер к активизации революционного рабочего движения, в соответствии с представляющимися возможностями. Таким образом, по существу в этом основном вопросе большевизма (победа социализма в одной стране) мы выдвигали прежние наши обвинения против Центрального Комитета и руководства Коминтерна в национальной ограниченности. Ограничение за последнее время антипартийной критики генеральной линии партии, по преимуществу, — коминтерновскими вопросами, я об"ясняю тем, что громадные хозяйственные достижения внутри страны громадный культурный под"ем, рост благосостояния трудящихся масс, не представлял возможности для критики в целом и оставлял очень мало простора для антипартийной критики по отдельным вопросам, особенно после ХУП съезда партии.

Должен сказать, в частности, по отношению к Зиновьеву, что за последнее время у него, кроме меня и Горшенина, едва ли кто бывал. Разговоров на хозяйственные темы у меня с Зиновьевым, за последнее время не было.

Вопрос Евдокимову. Что Вы называете последним временем?

Ответ. Если взять 1934 г., но это не значит, что изменились настроения у меня или у Зиновьева, или у других

членов центра. В этом смысле показательной является моя последняя беседа с Зиновьевым в ноябре 1934 г. Во время этой беседы он говорил о том, что работа по установлению единого фронта, в принципе ведется неправильно, в том смысле, что, как например, во Франции Коминтерн идет на установление единого фронта с социалистической партией, не пред"являя никаких условий П-му Интернационалу, т.е. фактически отдавая инициативу в деле создания единого фронта в руки П-го Интернационала.

Вопрос Зиновьеву. Подтверждаете ли Вы все эти показания Евдокимова.

Ответ. Пока Евдокимов говорит о 1928-29 г.г. почти все верно. Я тоже припоминаю нашу антипартийную работу в этих же чертах. Похороны Лашевича, разговоры, которые тогда были вокруг этих похорон, о попытках тогда договариваться с безвозжденцами - все это совпадает.

Дальше для меня совершенно не ясна масса вещей. По делу московского центра. В 1928 г. он действительно существовал, и мы работали в нем. Официальный роспуск этого центра произошел, по-моему, в 1929 г. по предложению, кажется, Каменева и того же Евдокимова. С тех пор каких-нибудь собраний состава центра не было, с той оговоркой, что в 1932 г. происходило оживление среди людей центра, хотя и в 1932 г. я тоже не помню какого-нибудь собрания оформленного центра. Так, что говорить о центре, скажем, после 1932 г., в особенности, в 1933-34 г.г. мне казалось совершенно неправильно. Никто не сможет назвать ни одного собрания, ни одного вопроса, которые сколько-нибудь организованно обсуждались бы. Не было этого, не было и не могло быть, потому что все же мы перестали верить во многое из своей платформы. Надо также сказать, что пятилетка для нас не прошла даром и излечивала нас от многих антипартийных установок.

Шарова я не видал (т.е. не разговаривал с ним) несколько лет, Гертка не видал с 1932 года, Бакаева также не видал с 1932 года, если не считать мимолетной встречи при других в Кисловодске на улице в 1932 году. Куклина я не видел с

1932 года и виделся с ним только раз в конце 1934 года, причем беседа была совсем не прежнего характера. Так, что центра, в том понимании, в каком он у нас был в 1927-28, 29 г.г., нет и не было.

Вообще говоря, антипартийные фракции или остатки каких-нибудь антипартийных групп в Москве и в Ленинграде смотрели на эти несколько человек, как я, Каменев, Евдокимов и другие, как на "центр". Я не могу сказать, чтобы я в последние годы смотрел именно так, но они смотрели на нас как на центр.

Вопрос Зиновьеву. Вы отвечайте прямо на вопрос. Следствием установлено, что центр существовал до последнего времени, стало быть, речь идет не о том, как на вас кто-то смотрел, а как Вы сами рассматривали группу лиц, названную Евдокимовым в составе московского центра.

Ответ. Конечно, можно сказать: Вы не собирались в полном составе и вопросы не обсуждались девятью человеками из-за осторожности. Конечно, могли собираться в разных местах по два, по три человека и т.п. Но ведь и этого не было. По крайней мере я об этом не знаю, т.е. я знал, что эти люди встречаются, что у них остаются антипартийные настроения, но центром в строгом смысле слова я этого не считал.

Вопрос Зиновьеву. Вы не хотите признать очевидных фактов.

Ответ. Не было организованного существования.

Вопрос Зиновьеву. Все материалы следствия говорят об этом организованном существовании. Подтверждаете ли Вы наличие центра.

Ответ. Я говорил, что эти люди несомненно рассматривали друг друга, и их внешний мир рассматривал, как остатки "ленинградской оппозиции", но не собирались они вместе на собрания, ни один вопрос за последние годы организованно не обсуждали. 1932 г. я уже описывал следствию подробно. 1932 г. был последним годом трудностей, как теперь выяснилось для нас, и годом величайших трудностей. Тогда замечались очень крупные колебания во многих оппозиционных группировках в Москве,

и, в частности, у нас. И опять-таки я не скажу, что я помню какое-нибудь специальное собрание центра, как центра в 1932г.

Вопрос Зиновьеву. Это отговорки. Отвечайте по существу поставленного Вам вопроса о центре.

Ответ. Я излагаю факты, как они в моей памяти запечатлелись. В 1932г., конечно, было большое "оживление" у нас, но и тогда не было ни одного полного собрания. Собирались по несколько человек, хотели выработать общее мнение, была мысль о том, что может быть надо выступить, может быть сказать. Так или иначе, действительно напрашивался вопрос о том, что надо как-нибудь сказать. Это было в 1932г.

В 1933-34г.г. ничего подобного не было, также как и не было никаких встреч. Я встречался с Евдокимовым очень редко, и то мы много говорили о пустяках, но говорили, конечно, и о политике.

Вопрос Зиновьеву. Признаете ли Вы, что после Вашего провала по рютинскому делу и после вашего возвращения из ссылки работа центра не приостанавливалась?

Ответ. В последнее время у меня с Евдокимовым были разговоры о заграничных делах, о международной прессе и т.д. В 1933-34г.г. я считал, что никакого центра нет и, повторяю, не виделся почти ни с кем. С Каменевым виделись и говорили более или менее изо дня в день. С другими не виделся.

Опять-таки, мы подходим во всех смыслах к финалу и надо говорить ясно, что вся группа, которая здесь перечислена, долгое время себя рассматривала как моральное представительство ленинградской оппозиции. Это так. И это я признаю.

Вам кажется, что я увиливаю, когда я говорю о подлинном центре только до 1928-29г.г., но это было действительно так, как я говорю.

Колебания и враждебность к партии по одним вопросам, по другим, в общем, конечно, у нас оставались и гораздо позже.

Разговоры, что нас "не оценили", что мы "во многом были правы" - также оставались. Но все это не то, что было раньше.

Слушали мы охотно каждую из антипартийных групп, но все-таки на какой-нибудь конкретный шаг мы не шли и в 1932 году. Конечно, это об"яснялось, в некотором смысле предосторожностью. Но, отчасти, и внутренними сомнениями. Многие "устои" нашей платформы заколебались. И в своих антипартийных установках мы тоже были не железные. От многих анти-моральных установок мы начали и внутренне отказываться и на партруководство, ввиду явных и крупных успехов, смотрели уже иными глазами. Это не "заслуга", конечно, но это факт.

Вопрос Зиновьеву. То, что Вы не пошли на какой-нибудь конкретный шаг в 1932 г. об"ясняется не столько предосторожностью, сколько провалом рютинской группы и Вашей и Каменева высылкой.

Ответ. Нет, полной правдой будет сказать, что было воздействие и пятилетки и всего хода развития.

Вопрос Зиновьеву. И тем не менее Вы продолжали оставаться на прежних контрреволюционных позициях.

Ответ. Да. Вот, например, в 1929-30 г.г. вышел Сборник документов о борьбе партии с ленинградской оппозицией, составленная Ярославским. Мы все ухватились за эти материалы; по документам, собранным в нем мы уверяли себя, что мы по многим вопросам оказались правы, "что в этом наша историческая заслуга". Конечно, я признаю теперь, что это было рецидивами контрреволюционных настроений.

Если бы Вы меня спросили до ареста о московском центре, я бы искренне сказал, что такого нет.

Конечно, у всех у нас оставалось недовольство Центральным Комитетом, оставался камень за пазухой, это я не отрицаю, но факт остается фактом, что мы последние годы не собирались, а занимались каждый своим делом. У Ефдоимова, Бакаева и др. больше встреч на квартирах было семейного порядка. Что же касается ленинградской организации, то я о ней не знал.

Конечно, Евдокимов может об этом говорить, но я понятия не имел, что в Ленинграде существует какой-то центр в последние годы.

Вопрос Зиновьеву. Румянцева, Мандельштама, Котолынова Вы знали?

Ответ. Я был уверен, что эта "безвозжденская" молодежь давным давно показала нам спину, я понятия не имел, что они ведут какую-то работу, я был уверен, что в последние годы они втянуты в работу и более или менее честно работают для партии.

В 1932 г., во время известного возрождения центра, даже и тогда, я не помню, чтобы в Ленинграде была какая-нибудь организация.

Вопрос Зиновьеву. Левин к Вам приезжал?

Ответ. Верно, приезжал, но не было никаких подобных разговоров и ни о какой организации я не слышал. Может быть, дело было сделано, так, что без меня создали организацию. Евдокимов скажет, говорил ли, например, он мне в последние годы об организации в Ленинграде или нет. Я знаю, что этого не было и, что касается этой "безвозжденческой" публики, я ничего о них не знал.

Вопрос Зиновьеву. Вы несомненно знали, что быв. участники зиновьевской оппозиции укрепились в Ленинграде. Вы также знали, что они остаются на своих старых контрреволюционных позициях. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ. О Левине я знал, что он также думает, что-де во многом мы "были правы", но не было разговора об организации. Я знаю, что я в очень невыгодном положении перед следствием, но если бы Вы меня спросили месяц тому назад, я бы искренне сказал, - не знал и не знал.

Вопрос Зиновьеву. То, что Вы не даете показаний правдивых, видно хотя бы из того, что на каждом допросе Вы под давлением фактов вносите немного нового, против прошлых показаний. Вы сегодня кое-что, правда в незначительной дозе, также подтвердили. Следствие Вам предлагает дать правдивые показания на поставленные Вам вопросы.

Ответ. То, что я вспоминаю, я готов подтвердить и подтверждаю. Сказал то, что действительно помню. Я тут правду хочу сказать. Меня огорошило, как и всех, убийство т. Кирова.

Я не отрицаю, что подтверждение мной фактов на следствии и рассказ в дальнейшем, всего известного мне, был эволюцией от тех позиций, на которых я находился вначале следствия.

Я должен признать, что, когда я был арестован, я, конечно, не пришел сюда с желанием все рассказать. Но я уже давно пришел к тому мнению, что я должен теперь сказать и о себе и о других все.

Я до сих пор говорю, что не понимаю истории с ленинградской организацией. Я должен был знать об этой работе, я не мог не знать о ней, но не знал.

Среди связанных со мной людей я был может и плохим, но все же каким-то организатором и не могло все это пройти мимо меня. Но я говорю честно, что я не понимаю о чем и о какой организации идет разговор. Я до сих пор не могу понять этой тайны.

Что Евдокимов ездил в Ленинград, что он говорил со своим зятем, об этом частично была речь, но чтобы я знал, что Левин сошелся с Румянцевым, что они организовали какой-то ленинградский центр - я не знал.

Я говорю сейчас про Москву. Для нас это было новостью и неожиданностью, и я не могу допустить, чтобы Вы меня действительно подозревали в соучастии в совершении террористического акта, или в поощрении, или в сочувствии фашистскому убийству С.М. Кирова.

Вопрос Зиновьеву. Следствием установлено, что Вы и Ваши единомышленники воспитывали своих сторонников в духе ненависти к руководству партии и, особенно, т. Сталину. Резкими выпадами Вы обостряли настроения, разжигали Ваших сторонников против руководителей партии. Что среди Ваших сторонников есть люди решительные, активные - это Вы знали. Вы разжигали террористические настроения у своих членов организации, и Вы не могли не понимать, что это ведет к террору.

Ответ. О моем принципиальном отношении к террору я думаю, что могу не распространяться. Я всегда был далек от этого, как небо от земли. Я этих людей много лет не видал и не слышал и не могло мне в голову придти, что они могут стать террористами. Что касается ленинградской организации, то я ее не знал и ни от кого не слышал о ней за последние годы.

Вопрос Зиновьеву. Это голословное отрицание. Следствие предлагает Вам дать правдивый ответ.

Ответ. Я действительно не знал этого. С Левиным я беседовал, но никакой организационной встречи это обстоятельство не имело. Я знал только, что Левин более или менее настроен антипартийно, как и я.

Вопрос Зиновьеву. В 1932г. Вы говорили Гертику, чтобы он привез к Вам Левина. Признаете ли Вы это?

Ответ. Левина действительно привез ко мне Гертик. Чтобы я его просил об этом — не помню.

Вопрос Зиновьеву. Подтверждаете ли Вы, что Левин возглавлял ленинградскую организацию?

Ответ. Ничего не знаю по этому поводу два последних года.

Что Гертик ездил в Ленинград в 1932г. по поводу моего исключения, я не помню. С Гертиком я прощался перед отъездом в ссылку, это верно. Кострицкого я в прошлом году встретил в Кисловодске, он еле-еле со мной поздоровался. Я даже удивился.

Говорят о сборищах в 1932-33г.г., я не знаю никаких сборищ в 1933 году, про 1932г. я сказал следствию подробно. Не было сборищ этих, т.е. с моим участием в 1933-34г.г. Их не было и не могло быть. Я и сейчас говорю, что я говорил с трибуны ХУП съезда совершенно искренне.

Относительно единого фронта во Франции. Верно, что в последнее время у меня был об этом разговор с Евдокимовым, я этим вопросом очень интересовался. Обсуждение этого вопроса не было в каком-либо злостном тоне, а в тоне критики.

Что Коминтерн "беспризорен", об этом было у меня много разговоров с тем же Евдокимовым, с Каменевым, но сейчас об этом говорить не время и не место.

Ликвидация кулачества, как класса, относится к 1930 г. Евдокимов говорит, что мы в это время говорили о том, что "руководители партии дорого обойдутся стране", это верно, я тогда тоже говорил это.

Вопрос Зиновьеву. Такие разговоры были и позже в 1931 г., 1932, 1933 и 1934 г.г., подтверждает ли Вы это?

Ответ. Не скрываю, что и в 1933 и в 1934 г.г. с каким-нибудь близким человеком, из числа названных, у меня могли быть разговоры, но они далеко не носили характера разжигания. Была мечта, чтобы нам поверили и, чтобы т. Сталин дал нам работать "по-настоящему". В частности, мы все останавливались на этой линии оттого, что понемногу все-таки втягивались в работу.

Поскольку затронут вопрос, я должен сказать, что часто мы думали, если бы нам дали "должную работу, то эти разногласия, которые у нас оставались, очень быстро пошли бы на рассасывание". Было бы ли это так на деле - конечно вопрос другой.

Я искренне прошу Евдокимова, чтобы он объяснил как было дело с ленинградской организацией. Я не знал про ленинградскую организацию и самое большое, что я здесь в ДПЗ допустил, самое большее до чего я мог додуматься, это, что вероятно у них были какие-нибудь личные встречи как у нас были в Москве и, что к этим связям примкнул убийца С.М. Кирова - Николаев. Вот все, что я могу показать.

Вопрос Евдокимову. Хотите ли Вы что-либо добавить к Вашим показаниям на очной ставке?

Ответ. Относительно наших настроений в 1933-34 г.г. я уже говорил в своих показаниях и считаю необходимым подтвердить здесь, что в 1933-34 г.г. наши встречи состоялись все реже и реже. Повторяю, то, что сегодня уже сказал: что во время этих встреч наша критика сосредотачивалась, по преимуществу, на вопросах Коминтерна.

В отношении характеристики наших настроений в 1933-34г.г. я с Зиновьевым согласен, но считаю необходимым тут же прибавить и я в своих показаниях уже об этом говорил, что это все-таки не были настроения людей, понявших преступность тех контрреволюционных позиций, на которых они стояли все время. 1934г. - был одним из тех моментов, во время которого мы говорили, что проводится в жизнь наша линия.

Зиновьев говорил не раз, что наша историческая заслуга заключается в том, что мы толкали партию и подтолкнули ее на правильный путь. В такие моменты мы говорили, что генеральная линия партии в основном правильна, только проводится она угрубленно, что приводит к большим накладным расходам и т.д.

Это было настроением людей, которые оставались на своих прежних позициях и которые, судя по всему прошлому, если бы представилась возможность или появилась бы причина, подталкивающая к активизации, то они снова стали бы активизироваться.

Вопрос Евдокимову. Против партии?

Ответ. Да. Теперь относительно ленинградской организации. Зиновьев говорит, что, если бы его спросили некоторое время тому назад об этой ленинградской организации, он сказал бы, что ничего о ней не знает.

Как известно следствию, я в первое время ответил также на этот вопрос, потому, что и я и Зиновьев тут упускали из виду то обстоятельство, что дело не в форме, не в названии, а в существе того, что происходило в Ленинграде и что нам было известно.

А нам было известно, что в Ленинграде есть определенный круг лиц из бывш. зиновьевцев, остающихся на прежних контрреволюционных позициях зиновьевского контрреволюционного блока 1925-27г.г., что эти лица связаны между собой на почве этих антипартийных настроений.

Я уже говорил в своих показаниях и здесь повторяю примеры, которые в своих показаниях приводил. Когда мы

решили вопрос в Москве, на московском центре, о том, как нам реагировать на партийных собраниях на исключение из партии Зиновьева по рютинскому делу, мы это решение принимали не только для Москвы, но и для Ленинграда. Мы рассчитывали, что это решение более или менее организовано будет проведено в жизнь в Ленинграде нашими сторонниками.

Мне тоже не легко далось осознание этого самого существования организации. Когда я, первое время, говорил, что относительно ленинградской подпольной организации зиновьевцев, как о такой я не знаю и когда в протоколе очной ставки с тем же Шаровым, я просил исправить прямой вопрос следствия о том, что мне известно о деятельности организации в Ленинграде, на такую формулировку: "Что Вам известно об отдельных участниках организации в Ленинграде" - я был неправ.

Я тогда допустил ошибку ту же, которую допустил сейчас Зиновьев, т.е. упустил из вида существо дела, что основное не в том, какую форму носила организация, а в факте существования в Ленинграде определенной группы лиц - наших единомышленников, связь их между собой и их связь с Москвой, в тех формах, о которых я говорил.

Что касается террористического акта, жертвой которого пал тов. Киров, я уже говорил в своих показаниях и здесь повторяю - да, политическую и моральную ответственность за этот акт мы должны нести. Потому что едва ли сложилась бы подпольная организация "зиновьевцев" в Ленинграде, если бы не наша политика многолетнего обмана партии, если бы не то обстоятельство, что в Москве существовала наша группа, которую все оппозиционные группировки, так сказать, внешний мир, как выразился Зиновьев, и ленинградские зиновьевцы считали моральным центром быв. оппозиции.

Я повторяю, что это был не моральный центр оппозиции, это был центр, который в различные моменты, вне зависимости от положения в стране и в партии, оставался все время на контрреволюционных позициях и возглавлял группу лиц антипартийно настроенных, готовых активно выступить со своими политическими взглядами, в противоположность взглядам партии.

Если бы не наличие этого обстоятельства, то в Ленинграде, по всей вероятности, не могла бы сложиться подпольная контрреволюционная организация зиновьевцев, которая здесь сложилась.

Считаю необходимым добавить, что сознавая нашу политическую и моральную ответственность в том смысле, как я сказал выше, за террористический акт против тов. Кирова, я заявляю, что этот акт противоречит всем моим политическим убеждениям, всему моему политическому прошлому.

На поставленные мне вопросы ответы записаны правильно.

Евдокимов.

На поставленные мне вопросы ответы записаны правильно.

Г. Зиновьев.

Очную ставку проводили:

Зам.наркома ВД - Агранов

Нач.ЭКО ГУГБ НКВД - Миронов.

Зам.нач.СПО ГУГБ НКВД - Люшков.

Пом.нач.СПО ГУГБ НКВД - Рутковский.